

Ольга Бражникова

**Диалог со смертью
и прочее о жизни...**

Ольга Бражникова
Диалог со смертью
и прочее о жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68810112

SelfPub; 2023

Аннотация

Небольшой сборник рассказов с разной тематикой, которые затрагивают вопросы жизни человека в кризисные моменты, его ошибках при восприятии других людей и отношений.

Содержание

Диалог со смертью	4
Автограф	9
Чужие желания	12
Голуби	17
Колдовство	20

Ольга Бразжникова

Диалог со смертью и прочее о жизни

Диалог со смертью

Блестящая крупа сыпалась на оголенные ветки, разлетаясь, танцуя в бликах зимнего солнца. Снежинки не падали вертикально, они хаотично двигались и, если посмотреть вверх, казалось, что они прыгают. По черной земле ходили вороны, и снег лежал на их угольных перьях будто жемчуг на вечернем платье.

А дома было пусто. Ждал горячий чай с пирогом, теплые батареи, холодные солнечные пятна на полу, собака Туз...

И одиночество. Такое тихое, смиренное, какое бывает только на закате жизни. Говорят, оно ждет всех людей там, в старости. Как раз тогда, когда начинаешь задумываться – а многого ли ты достиг? Оно и подкрадется... Тихо, бесшумно накроет тебя, будто бы не было молодости, беспечности, веселья. Остается только солнце за окном да остывший чай. А еще собака.

Тузу было 2 месяца, когда Павел с женой нашли его и забрали домой. Маленький и озябший, пес первым из осталь-

ных щенков обратил на них внимание и тут же завилял хвостом.

– Давай заберем – жалко, – сказала Света его жена.

Она любила и жалела животных. А еще очень многое в жизни любила и саму жизнь тоже любила. А Павел, напротив, жизнь всегда ругал. Даже странно: почему он до сих пор здесь, а Светы уже нет? Выходит, смерти все равно, к кому приходить, она никого не спрашивает. Наверное, жена уже достаточно достигла, раз ее жизнь закончилась.

Так думал Павел, допивая остывший чай и глядя в окно на сереющие зимние сумерки. В кресле, свернувшись на плед, мирно сопел Туз, было тепло и уютно, так бывает после прогулки на морозе...

Вдруг в комнате стало светло. У мужчины за спиной раздался какой-то шорох. Медленно, по-старчески, повернувшись, он остолбенел от удивления. В метре от него стояла белокурая девочка лет 5 и серьезно, по-взрослому, смотрела на него. На девочке был черный деловой костюмчик.

– Вот я и пришла, – сказала девочка и залезла с ногами на диван.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Павел, – где твои родители?

– Вопросы здесь задаю я, – неожиданно рявкнула девочка. И так, по пунктам...

– Так, девочка, как тебя зовут? – спросил Павел, доставая мобильный телефон, чтобы набрать номер полиции.

– Я тебе не девочка, – отозвалось с дивана белокурое создание, – я, между прочим, старше тебя на 4,5 миллиарда лет, проявляй уважение. Кстати, можешь не пытаться никуда звонить, мы вне зоны действия сети.

И в самом деле, телефон попросту не срабатывал.

– Но все же, как тебя зовут? – бессмысленно спросил Павел.

– А ты не узнаешь меня? – ответила девочка, подойдя вплотную к нему.

Неожиданно ее ангельское личико покрылось глубокими морщинами, а вместо делового костюмчика на ней оказался черный балахон.

– Косу я дома оставила, – произнесла старуха, – теперь узнаешь?

Павел в ужасе отпрянул назад. Горло перехватил спазм, стало тяжело дышать. Смерть пришла!

– Ой, ладно, – произнесла Смерть скучающим голосом, и снова превратилась в ребенка. – Давай не будем терять времени. Итак, вопрос первый: отчего Земля круглая и крутится?

– Приплюснутая с полюсов... Одинаково заряженные поля... Вращается вокруг Солнца, – оторопело начал припоминать Павел. Во рту у него было сухо.

– Вот-вот, ничего вы не знаете, – вздохнула девочка.

Неизвестно откуда в руках у нее оказался толстый блокнот с ручкой. Усевшись за стол, она брезгливо отодвинула чашку

с недопитым чаем и, раскрыв блокнот, нарисовала напротив цифры «1» красной пастой огромную жирную двойку.

– А зачем человек на свете живет? – оторвала она глаза от блокнота. – Чего молчишь – отвечай! – приказала она.

– Каждый человек по-своему живет, – промямлил Павел. – Вот Шопенгауэр считал...

– С Шопенгауэром я уже разговаривала. Теперь я тебя спрашиваю: зачем жить на свете? Ответ готов? – строго преподавательски осведомилась она.

Павел прерывисто вздохнул.

– Ну, профессия, искусство, любовь...

– О, уже хорошо. – оживилась Смерть. Значит, Любовь к тебе тоже приходила. Знаешь, я сегодня слышала, как ты подумал на улице: «Собачий холод. Не жизнь, а дерьмо.» К слову, летний зной тебя тоже не устраивает, а осенью и весной для тебя сыро. Жить ты не любишь, а смерти боишься. Между прочим, твоя собака ничего плохого о погоде сказать не может. Ее все устраивает.

Девочка снова уткнулась в блокнот и стала делать в нем какие-то пометки.

– Итак, Иванов Павел Степанович, за первый вопрос – «2», за второй – «3». – наконец произнесла она. – Неутешительная у меня статистика по этим двум вопросам. На сегодня все. К передаче, будь любезен, подготовься получше. А еще подготовь ответы на вопросы: «что такое хорошо, а что такое плохо?» «кто создал Землю?», «зачем меняются вре-

мена года?», «что бывает после смерти?».

Павел послушно кивнул. Девочка слезла со стула и, аккуратно вложив ручку в блокнот, направилась к двери.

– Скажи, я в Чистилище? – спросил Павел.

Смерть медленно повернулась.

– Где??? – удивленно спросила она.

– В Чистилище... Ну, Ад, Чистилище, Рай, – пролепетал Павел.

В два прыжка Смерть преодолела расстояние между ними. Громко хохоча, она выхватила неизвестно откуда взявшуюся щетку с длинной ручкой и стала тереть ею лицо Павла.

– Чис-ти-ли-ще! – неистово хохотала Смерть и скребла щеткой его лицо.

В ужасе Павел хотел отпрянуть назад, но ноги его не слушались. Внезапно все поплыло перед глазами, комната утонула во мраке. Павел увидел перед собой черную морду Туза. Его шершавый язык лизал Павлу щеки и нос.

– Иди, Туз, – сказал Павел, недовольно отодвигая собаку.

– Приснится же. – прошептал он, глядя в окно на холодный зимний вечер.

Автограф

Солнце ярко светило через окно, образуя на паркете белые прямоугольники, душный воздух прокрадывался в комнату, задевая занавеску и растворяясь в пространстве, словно лед в апельсиновом соке. Оторвавшись от подушки, Маша с наслаждением вслушивалась в шум большого города, звуки проезжающих автомобилей, доносившейся откуда-то музыки летнего кафе. Насладившись жарким утром, девушка быстро вскочила и пошла на кухню, где, приготовив кофе с бутербродом, принялась читать новости. В ленте привычно мелькали сводки о политике и событиях; Маша уже собиралась отложить телефон в сторону, как вдруг один из заголовков привлек ее внимание: «В Ростов-на-Дону на гастроли приезжает труппа Джорджа Бруно, билеты были раскуплены так быстро, что актер решил сделать дополнительный спектакль». Сердце девушки радостно забилося при виде его фотографии, в голове возникли воспоминания о юности в общежитии, веселых и беззаботных днях, подружках и постерах на стене. Как и тогда, восемь лет назад, ей хотелось во что бы то ни стало, увидеть Бруно вживую, хотя бы издалека, на сцене. Сколько раз, она представляла себе, как поедет во Францию, чтобы взять у него автограф! Надо ли говорить, что девушка тут же помчалась за билетами, потратив на них половину своей зарплаты, а когда домой при-

шел ее жених, она даже не успела приготовить обед. День прошел в ожидании спектакля. Маша все время прокручивала в голове разговор с кумиром: как она подойдет к нему, как попросит расписаться на театральном билете, а если получится, то скажет, как восхищается им, как любит его вот уже больше восьми лет! Из-за волнения она не могла заниматься домашними делами, казалось, что все валится из рук, поэтому девушка решила отвлечься и, натянув джинсы, вышла на улицу. Шум летнего города немедленно поглотил ее, и, пройдя вдоль своей улицы, она завернула в парк, усыпанный одуванчиками. Солнце нагревало асфальт, кругом зеленели газоны, а совсем рядом брызгал фонтан, обдавая всех прохожих прохладной пылью.

Маша купила мороженое и с огромным удовольствием плюхнулась на лавочку. Суета и движение немного отвлекли ее от ожидания, она огляделась. Неподалеку мальчик лет девяти играл с овчаркой: он брал палку и бросал ее настолько далеко, насколько мог. Собака приносила свой трофей, и во всей этой игре было столько радости, что девушка невольно улыбнулась. «Нет вернее и преданнее существа, – думала она. Ведь этот мальчик для пса является чуть ли не Богом, его одного собака будет любить всю свою жизнь, готова всегда прийти на помощь, встать на защиту и даже умереть за хозяина в любой момент».

Неожиданно, какой-то незнакомец спросил по-английски разрешение присесть рядом. Девушка молча кивнула, про-

должая наблюдать за ребенком и собакой.

– It's very hot today, – произнес иностранец. Он был явно настроен на случайное общение, которое затевают со скуки.

Маша что-то ответила, бросив взгляд на его лицо, больше из вежливости, чем от желания поболтать. Глубокие морщины и пигментные пятна выдавали человека уже немолодого, но черты показались ей очень знакомыми. Понимая, что глядеть неприлично, девушка отвела взгляд.

– Извините, мне кажется, я вас где-то видела, – смущенно произнесла она.

Незнакомец задумчиво посмотрел на нее.

– Может быть, вы смотрели «Приключения в воздухе» или «Легкий ужин»? – спросил он.

Маша повернулась к нему всем корпусом, широко раскрыв глаза от удивления.

– Вы и есть Джордж Бруно? – только и смогла вымолвить она.

Они немного поговорили о городе и местных порядках, о фильмах и актерской карьере, и перед девушкой предстал просто человек, такой же, как и она сама, только, может быть, более талантливый в чем-то. Брать автограф ей сегодня уже не хотелось.

Чужие желания

Аркадий устало смотрел в окно такси, рассматривая наклейку на лобовом стекле. Она представляла собой силуэты двух девушек, длинные ноги которых, скрещиваясь между собой, образовывали латинскую букву «W» – фольксваген. Впереди мерцали огни, летал снег, проезжали автомобили. Был вечер 31 декабря. Рабочий день закончился, и впереди предстояли три выходных дня. Аркадий рассчитался с таксистом и, прихватив портфель и бумажную упаковку с едой из Макдональдса, вышел из машины в зимний вечер. Город купался в огнях, витрины магазинов тонули в новогодней мишуре, все куда-то спешили, смеялись, фотографировались...

Мужчина повернул ключ в замке. В квартире было тихо и тепло. Сняв пальто, он принялся за гамбургеры. Это была его любимая еда. Готовить ему было некогда, поэтому домашнюю кухню он ел разве что в гостях. Покончив с ужином, он раскрыл портфель. Там аккуратными стопками были сложены документы. На выходных нужно было изучить договора с банками, с которыми планировалось сотрудничество. Высокие проценты, но и надежность вне сомнения...инвестиции иностранные, пятьдесят процентов в общем объеме...Вместе со следующим договором из папки на стол выпал красных почтовый конверт. Аркадий никогда не видел таких ярких конвертов. Повертев находку в руках, мужчина вытащил

из него чистый бланк. «Письмо Деду Морозу», – значилось сверху страницы красными буквами.

«Шутники», – подумал он. Вообще-то он не любил, когда кто-то трогал его вещи. Но от его коллег из отдела продаж можно было ожидать чего угодно. С заместителем начальника отдела, Стасом, Аркадий учился в институте. Стас был полноватым краснощеким мужчиной 32 лет, и с ним всегда было весело. Несмотря на то, что Аркадий симпатизировал ему, тот очень часто раздражал его своей непунктуальностью. Ну да, еще эти его «шуточки», вроде первоапрельских розыгрышей или подбрасывания новогодних писем в портфель с документами...

Аркадий налил себе чаю и включил телевизор. На экране скучно плясали звезды эстрады, крутили «Иронию судьбы» и прочий новогодний репертуар.

В дверь неожиданно позвонили. Аркадий нехотя прошел в коридор.

– Ого! Не ждали?! – захохотал краснощекий Стас, вваливаясь в дверной проход.

Вслед за ним в квартиру вошли двое его коллег, с которыми Аркадий до этого был знаком лишь по работе.

– Мы с гостинцем, – прогремел Стас своим раскатистым голосом, имея в виду бутылку чего-то спиртного. – Это пульке – древний мексиканский напиток. Как говорят мексиканцы, «он не мясо, потому что стесняется».

Стас два месяца назад летал в Мексику и вернулся с мас-

сой впечатлений.

– Как раз писал тебе письмо, – улыбнулся Аркадий, убирая со стола листок и ставя рюмки. Стас бросил взгляд на письмо и рассмеялся. На него это не было похоже. Сейчас он должен был начать выяснять, как Аркадий его вычислил, или, наоборот, с лукавством отнекиваться, вроде бы это не он подложил.

– Знаете анекдот? – спросил Стас. Я никогда не писал писем Деду Морозу, потому что я не из тех, кто верит в почту.

Они выпили по бокалу пульке, а потом еще. На столе стояли свежие фрукты и сыр, за окном падал снег, пахло мандаринами и спиртным. Пульке улетучился из бутылки, и на смену ему пришел коньяк. Стас травил анекдоты, все смеялись и пили. Время шло незаметно.

– Надо составить план на год, – сказал Стас с неожиданной серьезностью, когда пауза затянулась. Спиртное оказало свое действие, и он еще больше раскраснелся. Аркадий протянул ему давешний листок.

С серьезным и пьяным видом Стас вывел на бумаге цифру «1» и, написав что-то про машины и путешествия передал письмо соседу. До Нового года оставалось четыре часа, подвыпившая компания передавала по кругу бумагу по очереди желая себе машины, повышений по службе, красивых женщин и впечатлений...

Аркадий со смехом наблюдал за тем, как его гости превращались в детей, каждый по-своему. Наконец, компания

собралась уезжать для дальнейших развлечений, и мужчина проводил гостей. Ему совсем не хотелось веселиться. Хотелось выпить еще рюмку, принять душ и лечь спать. Нужно было еще оплатить Стасу за розыгрыш той же монетой. Набрав друга по мобильному, Аркадий спросил: «Стас, у тебя горячая вода дома есть? Тогда мой ноги и ложись спать!». Услышав в трубке раскатистое Стасово ржание, Аркадий с чувством выполненного долга лег в постель.

Три выходных дня пролетели незаметно. Мужчина не чувствовал праздника, да ему и не хотелось. Вскоре, выйдя на работу, Аркадий узнал, что его повысили. Да еще и с существенной прибавкой к зарплате. Теперь ему приходилось задерживаться до позднего вечера, так как он боялся не оправдать ожиданий начальства. Его назначили заместителем начальника отдела, теперь он занимал такую же должность, как и Стас. Но, в отличие от приятеля, Аркадий чувствовал себя как будто не в своей тарелке. Из-за неуверенности в себе, подчиненные часто не воспринимали его всерьез. Аркадий же не понимал, почему руководство выбрало для этой должности именно его.

Новая зарплата позволила со временем взять в кредит черный джип. Однажды летом, возвращаясь домой, Аркадий чуть не сбил на дороге девушку. К счастью, ничего страшного не произошло, и девушка согласилась, чтобы Аркадий ее подвез. Их роман длился всего полгода и состоял, в основном, из бесконечных ссор и примирений, поездок на дорогие

курорты, на которых она привыкла отдыхать.

Возвращаясь домой в предновогодний вечер, Аркадию, как и в прошлом году, пришлось взять такси, потому что его джип был в ремонте. Машина почему-то регулярно ломалась. Приехав домой, мужчина, как и тогда достал из портфеля документы. Из папки выпал на пол знакомый красный конверт. Нет, Стас не стал бы два раза одинаково шутить. Аркадий раздраженно выбросил бумажки в ведро и пошел заваривать себе чай. Однако, какое-то странное чувство заставило его вернуться и тупо уставиться на выброшенное письмо. Так и есть: в уходящем году осуществились не его цели. Никогда Аркадий по-настоящему не хотел ни дорогую машину, ни повышение, ни красивую любовницу.

За окном прогремел фейерверк, на часах было уже за полночь. «В этом году буду исполнять только свои желания», – подумал Аркадий, допивая остывший чай...

Голуби

Галина Ивановна тяжело спускалась с четвертого этажа, держась за перила, и ставя ступни боком. Колени ее привычно болели, и на каждом пролете приходилось делать передышку. В кармане лежал целлофановый пакет с хлебными крошками и черствой горбушкой – долгожданный обед для голубей. Женщине не нравилось, что ее питомцев называют «уличными крысами», она раздраженно окидывала взглядом обидчика и отправляла такого брезгливого холуя куда подальше. По этой же причине она ненавидела соседскую старуху, которая, только завидев Галину Ивановну с пакетом крошек во дворе, грозила из окна кулаком и начинала кричать, что она напишет жалобу губернатору, потому что не надо разводить птиц, которые потом гадят и распространяют заразу. Женщина не обращала на угрозы внимания, продолжая приносить им еду.

Сегодня она вышла из подъезда позже обычного, потому что с утра шел дождь. Привычно захлопнулась сзади металлическая дверь, вокруг были лужи и грязь. Увидев хозяйку, голуби уже полетели к канализационному люку – тому месту, где они всегда пережидают морозы.

Женщина вытащила пакет и стала рассыпать крошки. Чувство благодарности птицам за то, что они ждут ее каждый день наполняло душу. Сразу забывалась боль в коленях,

казалось, что выходит солнце, потому что здесь, с ними, она чувствовала, что рядом есть живые души, с которыми она могла бы разделить свое одиночество после смерти мужа.

Вдруг, откуда-то сбоку, на кормящихся голубей налетел мальчишка, лет трех. Ребенок задорно рассмеялся, когда голуби разлетелись, и побежал за ними.

– Ты что делаешь, шалопай?! – закричала женщина, и когда он оказался близко, схватила его за шиворот курточки. Невдалеке показалась мама мальчика, которая, громко стуча каблуками, направлялась к ним.

– Вы что делаете?! Вы зачем схватили ребенка?

Галина Ивановна было начала ругать родительницу за то, что та позволяет сыну обижать птиц, но мать хладнокровно набрала номер полиции.

Приехавшие полицейские не стали составлять протокол, и женщина отделалась предупреждением, но возмущение и стыд перед соседями из-за инцидента были настолько сильны, что она больше не могла выходить во двор и кормить питомцев.

Тоскливо и одиноко проходили ноябрьские дни в квартире, заставленной мебелью, с пыльными красными коврами и старым ламповым телевизором. Каждое утро Галина Ивановна заставляла себя встать с постели, приготовить еду на шкворчащей чугунной сковороде и идти в магазин или на почту за пенсией. Она старалась обходить стороной люк, на котором грелись голуби, так невыносимо было для нее вос-

поминание об унижительном скандале. Затем женщина поднималась к себе домой, включала телевизор и садилась за вязание. Так шли дни, а за ними пролетела зима с ее сквозящими ветрами и пушистым снегом.

Проснувшись однажды утром, она выглянула в окно и не поверила своим глазам. На мокром от растаявшего снега полу балкона сидел голубь. В его клюве была небольшая веточка, которую птица деловито положила в угол и улетела.

Галина Ивановна с интересом наблюдала, как голубь строит гнездо, складывая палочки и всякий мусор в качестве жилища для своего потомства. И с каждой новой веточкой женщина становилась счастливее, потому что вот она весна, а вот – птицы, и солнце, и новая жизнь.

Колдовство

Солнце наклонилось к горизонту, окрасив летнее небо в оранжевый цвет. Ароматные верхушки сосен замерли в ожидании томной летней ночи. Деревенские парни уже погнали коров на ночлег, и те, тяжело ступая по остывающему песку, мыча и отгоняя надоедливых мух своими тугими хвостами, грузно шли в нужном направлении.

Поглядывая в окно за происходящим на улице, Наталья готовила ужин, когда в дверь постучали. На пороге стояла соседская бабка Агафья, на голове у нее красовался черный с блестками платок, а тощие жилистые руки были сложены на груди. В селе поговаривали, что она ведьма, но девушка во все это не верила.

– Наташенька, дай молочка, – попросила бабка ласково. – У тебя, говорят, коровка вкусное дает.

Наталье соседка не нравилась. Мало того, что могла заявиться ни свет, ни заря со своими просьбами, так еще и голос у нее был противный, скрипучий какой-то.

– Знаете, Агафья, – сказала девушка, чуть подумав, – не могу сейчас дать, самим мало. Мой ребенок вот-вот проснется, кашу надо сварить, и завтра на утро...

– Не дашь, значит. – Бабка хмыкнула, и, подхватив подол юбки, круто развернулась.

– Извините, – прокричала Наташа вслед, но Агафья даже

не повернулась.

Вечер прошел утомительно: ребенок не хотел есть и постоянно просился на руки. Ночь тоже была сложной, потому что он постоянно просыпался и плакал, а когда Наташе удавалось вздремнуть, она отчетливо видела перед собой костлявые руки Агафьи и слышала ее скрипучий старушечий голос.

На рассвете, вместе с первыми петухами, девушка завернула ребенка в одеяло и понесла на свежий воздух. «Хоть тут поспит», – думала она, прижимая сверток к себе. Все вокруг казалось серым и мрачным, веки тяжелели от недосыпа, начинала болеть голова. Наташа вдохнула прохладный пахучий воздух, ну вот уже и тропинка в лес.

Дойдя до поляны, она постелила одеяло и положила на него спящего ребенка, а сама села рядом. Вот уже первые лучи заиграли на коричневых стволах, между которыми серебрились полупрозрачные кружева паутин с каплями росы. Ребенок мирно спал. Из-за веток то и дело показывались птицы, раздавались тихие лесные звуки, глухо падали на песок шишки. Как и раньше, вглядываясь в ровные ряды деревьев, Наташа улавливала то тут, то там невидимое движение, будто кто-то подглядывает за ней из-за стволов.

И вдруг, под одной из сосен девушка увидела гриб. Она встала, чтобы подойти ближе, но не тут-то было: как только она подходила к дереву, под которым только что его видела, как он оказывался под другим, невдалеке. Испугавшись, На-

таша решила вернуться к ребенку, но вместо знакомой поляны она оказалась в темной чаще, где не было тропы и лежал бурелом. Солнце светило так высоко, будто был уже полдень, и девушка поняла, что не сможет определить, в какой стороне деревня. Пробираясь сквозь поваленные ветки и не обращая внимания на глубокие царапины, она отчаянно звала по имени ребенка, но в ответ слышала лишь шепот леса и кукушку. Устав, наконец, она рухнула на землю, и вдруг услышала детский плач. Бросившись на звук, выбежала к болоту. Там, стоя по пояс в мутной грязи, к ней тянул руки и громко плакал ее сын.

Вытащив ребенка, девушка побрела с ним сквозь заросли, куда глаза глядят.

Очнулась Наташа у себя в постели с повязкой на голове. В воздухе пахло уксусом и каким-то травяным отваром. Приподнявшись на локте, она разглядела в кровати своего сына, который спокойно спал. В комнату зашла Агафья в своем черном платке, и ласково улыбнувшись, поправила Наташе компресс.

– Очнулась, наконец, – сказала бабка. – Лихорадка у вас двоих, ночью «скорая приезжала, укол вам сделали. Не помнишь ничего? Сказали, вирус у вас, поить вас надо много. Вот, я чабреца заварила, пейте чай.

Агафья уже не казалась страшной, теперь это была заботливая бабушка, которая по-человечески решила помочь соседке.

– А правда, что вы ведьма? – спросила Наташа.

– Правда. Все женщины иногда ведьмы, – улыбнулась Агафья.